

УДК 321.1-047.36(575.2)

МОНИТОРИНГ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Л.Л. Хонерская

Анализируется опыт этнополитического мониторинга ситуации в Кыргызстане, который наглядно показывает важность учета этнического фактора при проведении социальных преобразований.

Ключевые слова: мониторинг; межэтнические конфликты; этнополитические процессы; стабильность; конфликтность; ОДКБ; ШОС.

Актуальность мониторинга современных этнополитических процессов в Кыргызстане вызвана тем, что республика обладает уникальными для постсоветского пространства гео- и этнополитическими характеристиками. Кыргызстан является одним из государств, где произошли цветные революции, состоялись открытые межэтнические конфликты и которое до сих пор далеко от политической стабильности, на его территории расположены военные авиабазы соперничающих в глобальном масштабе сил, в республике внедряются исламские принципы финансирования, и в то же время она выступает активным членом таких организаций как СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС, а почти половина ее трудоспособного населения находится на заработках за рубежом.

В современной социологии мониторинг определяется как “форма организации и проведения исследования, обеспечивающая постоянное получение социальной информации о состоянии определенного социального процесса или социальной ситуации” [1, с. 585–586]. Мониторинг может осуществляться в различных сферах (экономики, политики, экологии, культуры, образования, СМИ, международных отношений и т. д.).

Таким образом, мониторинг можно определить как непрерывное отслеживание ситуации с целью получения адекватного знания о широком круге проблем и явлений, определяющих общественную динамику, анализ на основе полученных данных текущих процессов и составление прогностических оценок.

Мониторинг этнополитических процессов базируется на понимании этнополитической ситуации как состояния общества, приближающегося к конфликту или отдаляющегося от него. При этом подходе ситуация описывается с использованием таких категорий, как “стабильность”, “напря-

женность”, “нестабильность”, “конфликтность”, “конфликт”, отражающими различные состояния основных сфер жизнедеятельности общества, связанных с этничностью. Поскольку стабильность не является абсолютной характеристикой, ученые говорят об относительной стабильности или нестабильности и выявляют факторы, способствующие изменению уровня стабильности. Динамика этого состояния фиксируется качественными и количественными методами, объединенными понятием этнополитического мониторинга.

Практическое осуществление этнополитического мониторинга началось по инициативе известного российского этнолога – директора Института этнологии и антропологии РАН, академика В.А. Тишкова, который считает, что “этнополитический мониторинг представляет собой осуществление постоянного и регулярного научно-прикладного анализа процессов в сфере межэтнических отношений и ситуации в регионах и странах с этнически сложным составом населения” [2, с. 3].

По определению В.А. Тишкова, под этнополитическим мониторингом “понимается основанная на локально-компаративном анализе способность оценивать социально-культурную и политическую ситуацию в многоэтнических странах, регионах и местных сообществах с целью сохранения и развития этнокультурного многообразия и определения существующей или потенциальной угрозы конфликта и способность донести соответствующую оценку для принятия превентивных мер со стороны общества и государства” [3, с. 6].

С целью проведения этнологического мониторинга на постсоветском пространстве и регулярной публикации его результатов в 1993 г. на базе Института этнологии и антропологии Российской академии наук была создана независимая экспертная организация – Сеть этнологического мониторинга

и раннего предупреждения конфликтов. В 1999 г. она была зарегистрирована Министерством юстиции РФ как Региональная общественная организация “Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов”.

В настоящее время с Сетью на постоянной основе сотрудничают около 50 экспертов из 11 постсоветских государств и 25 регионов России. Они осуществляют регулярный мониторинг межэтнических отношений и конфликтов. На базе сообщений экспертов формируются Бюллетени Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, ежегодные доклады “Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах”, а также банк данных “Этничность и конфликты в постсоветских государствах”.

Следует отметить исходную аналитическую позицию экспертов Сети, в соответствии с которой не сами этнические и религиозные различия служат причиной напряженности и насилия, а факторы материального, социального, политического и идеологического характера. При этом набор причин и аргументов конфликта постоянно, а в ряде случаев, существенно меняется. Уловить эту динамику позволяет метод мониторинга, в котором сочетаются качественный анализ на основе экспертных оценок и формализованный замер динамики ситуаций на основе модели из 46 индикаторов, объединенных в семь категорий. Ключевая роль в этой методике принадлежит эксперту, оценки которого служат основой нарративного анализа и количественной обработки индикаторов.

Ежеквартальная оценка ситуации строится по следующим категориям:

Среда и ресурсы:

1. Энергоресурсы. Водные ресурсы (питьевая вода, ирригация, водные пути, промысел);
 2. Земельные ресурсы (качество и цена, размер на человека, доступность, владение, лес и др. угодья);
 3. Недр (использование, доступ, дивиденды);
 4. Техногенное воздействие (опасные производства, выбросы, отходы, изъятия, компенсации);
 5. Бедствия и катастрофы (стихийные, экологические, промышленные, спровоцированные);
- #### **Демография и миграции:**
6. Расселение (плотность, динамика численности, этнические пропорции, степень урбанизации);
 7. Смешанные браки и разводимость; неполные семьи, полигамия;
 8. Естественное движение населения (рождаемость, смертность, продолжительность жизни; демографическая политика);

9. Механическое движение населения (миграция, беженцы, временные жители, нелегальная миграция);

Власть, государство и политика:

10. Государственно-административный статус;
11. Доктрина и режим власти (федерализм, унитаризм, местное управление, партии и движения, выборы и смена власти, законодательство, госпрограммы);
12. Этническое представительство (в органах власти, бизнесе, информационной и научно-образовательной сфере);
13. Отношения “центр-регион” (правовые основы, переговоры, контакты, выгоды и обременительность);
14. Права человека и коллективные права (правовая обеспеченность, нарушения, контроль, административное давление и тяготы, правозащитная деятельность);
15. Общественный порядок и контроль за оружием, противодействие терроризму, вооруженные столкновения, экстремизм, акции общественного неповиновения; судебные разбирательства и исполнение;
16. Компетентность и авторитет властей и лидеров; коррупция;
17. Официальная символика и календарь;

Экономика и социальная сфера:

18. Производство и динамика цен;
 19. Уровень и расхождение доходов;
 20. Занятость и безработица;
 21. Разделение труда (этническое, региональное, отраслевое, на уровне общин, обмен услугами, торговое посредничество, престиж занятия);
 22. Социально-профессиональная мобильность (продвижение этнических групп, изменение статуса в трудовой деятельности, наличие маргиналов и их состав);
 23. Участие в приватизации, купле-продаже земли;
 24. Состояние социальной защищенности, обеспеченность жильем, здоровье и заболеваемость;
 25. Преступность и бытовое насилие; наркомания;
- #### **Культура, образование, информация:**
26. Культурное доминирование;
 27. Религиозная жизнь (конфессиональный состав и изменения, наличие и доступность храмов, возможность отправлять обряды, наличие и состояние святынь, лидеры и прозелитическая деятельность, роль в государстве, регионе, общинах). Отношения между общинами;
 28. Языковая ситуация (законы и инструкции; язык власти, бизнеса, образования, информации, в том числе Интернета; язык межгрупповых контактов);

29. Школьное образование (доступ, обеспеченность, гарантии, состав учителей, учебные материалы);
30. Высшее образование (условия поступления, состав студентов, содержание программ, студенческая жизнь);
31. Средства массовой информации (состав, контроль и цензура, характер программ и текстов, влияние на общество; этнический состав журналистов и телеведущих);
32. Традиционные праздники и обряды (условия, поддержка властей, политическая окраска, участие разных групп населения);
33. Исторический дискурс;
Контакты и стереотипы:
34. Групповые требования и жалобы;
35. Прошлые конфликты и коллективные травмы;
36. Этнические стереотипы (положительные, отрицательные, распространенность и использование, обидные клички, официальное противодействие);
37. Изменения в самосознании (соотношение этнического и гражданского, местного и регионального, возрождение старых идентичностей и появление новых);
38. Мифы, страхи и слухи;
39. Наличие групповой идеи и идеологии;
40. Уровень толерантности (межгрупповые ненависть, стычки и насилие, дискриминация, отношение к меньшинствам и новым группам; отношения между пришлыми; молодежные группировки);
Внешние условия:
41. Наличие и влияние диаспор;
42. Стабильность/нестабильность соседних и приграничных регионов и стран;
43. Влияние международных политических процессов и межгосударственного соперничества. Деятельность зарубежных организаций;
44. Территориальные претензии и проблема границ;
45. Внешние связи и сотрудничество;
46. Меняющийся внешний имидж (страны, региона, народа, общины, режима в стране, регионе).
Эксперт выставляет оценки по каждому из индикаторов, заполняя следующую форму:
Уровень социальной напряженности (конфликтности) рассчитывается как средняя величина баллов, выставленных экспертом по 46 индикаторам и для удобства восприятия представленная в процентах от максимально возможной оценки. Этническая напряженность определяется как доля конфликтных индикаторов, имеющих различную выраженность этнического аспекта.
На основе изучения большого массива данных и анализа закономерностей развития и ослабления конфликтов, применительно к регионам бывшего СССР, экспертами Сети составлена эмпирическая шкала этнологического мониторинга, “позволяющая на основе интегрального показателя конфликтности, данного экспертами, определить статус текущей общественно-политической ситуации:
1 – общество в состоянии конфликта (конфликтность 75–100 %);
2 – частые конфликты (40–75 %);
3 – заметные конфликты (25–40 %);
4 – возникновение конфликтной ситуации (10–25 %);
5 – периодически возникает напряженность (5–10 %);
6 – обстановка стабильная (менее 5 %)” [4, с. 11].
Представленная методика позволила в Ежегодном докладе Сети за 2009 г. сделать вывод

Оценка ситуации по категориям этноконфликтологического мониторинга							
Страна _____		регион _____					
экспертируемый интервал времени _____							
Категория	№	Индикатор Уточнение: выставляемые экспертом оценки могут иметь дробные значения в любом столбце, например, +1,2; 0,1	Состояние: +2 спокойное +1 проблемы решаются без явных противоречий -0 неопределенное -1 напряженность и конфликтные ситуац. -2 состояние конфликта	Влияние на общественно-политическую ситуацию: 2 значительное 1 определенное 0 практически не влияет	Уверенность в оценках: 2 уверен 1 не вполне уверен 0 не уверен	Индикаторы, имеющие этнический аспект 2 явный 1 скрытый 0 отсутствует	Комментарии

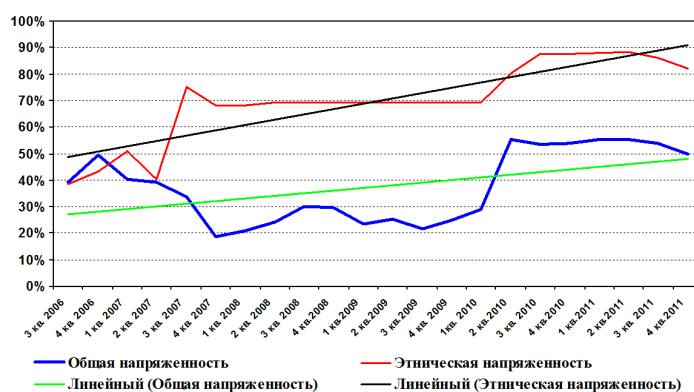

Рисунок 1 – Рост этнической напряженности в Кыргызстане

о том, что общемировой финансовый кризис не привел “к существенным коллизиям в общественно-политической сфере большинства постсоветских государств. Напряженность нарастала лишь в отдельных случаях, особенно заметно – в Киргизии” [5, с. 286]. По результатам мониторинга в 2010 г. можно утверждать, что в этом государстве за годы революционных перемен состояние высокого напряжения приобрело системный характер. Многие источники напряженности (связанные, в первую очередь, с дележом власти, земли и собственности), действовавшие и в предыдущие годы, после апрельской революции усилили свое действие. В итоге конфликтный потенциал, реализованный в 2005 г., еще более проявил себя в 2010 – первой половине 2011 гг.

Видимые проявления кризиса власти и властных отношений вылились в признание центральной властью своей неспособности контролировать региональные элиты; обнародованы факты “сращивания государственных и правоохранительных органов с организованной преступностью”, к конфликту между президентом и парламентом добавилось внутрипарламентское противостояние, остроту положению придает постоянная борьба оппозиции и власти. Отличительной чертой стала этнизация всех социальных и политических проблем, что выразилось в резком росте этнической напряженности в Кыргызстане (см. диаграмму, рисунок 1).

Данные этнополитического мониторинга в Кыргызстане за период 2006–2011 гг. дают представление о наиболее значимых и “болезненных” проблемах развития этого молодого государства. Следует признать, что в самой республике о них зачастую предпочитают “деликатно” умалчивать. Но решение подобных проблем невозможно без

выявления их причин и достаточно тщательного независимого анализа.

Опыт этнополитического мониторинга ситуации в современной Кыргызской Республике, где степень динамичности политических процессов является одной из самых высоких на постсоветском пространстве, с точки зрения автора, наглядно показывает необходимость учета этнического фактора при проведении преобразований в любой сфере общественной жизни и на любом ее уровне. Без рассмотрения этнополитического измерения сегодня невозможно обеспечивать нормы демократии внутри республики, мирное сосуществование с соседними государствами, и, в конечном счете, сохранение государственной независимости и суверенитета Кыргызстана.

Литература

1. Социология: Энциклопедия. Минск: Изд-во “Книжный дом”, 2003.
2. Тишков В.А. Сеть этнологического мониторинга десять лет спустя / В.А. Тишков // Этнопанорама. 2003. № 1–2.
3. Тишков В.А. Опыт этнологического мониторинга / В.А. Тишков. М.: ТАСИС, 2004.
4. Степанов В.В., Тишков В.А. Этничность, конфликт и согласие (Отчет о работе по проекту программы ЮНЕСКО “Управление социальными трансформациями” – MOST) / В.В. Степанов, В.А. Тишков. М., 2003.
5. Рейтинг конфликтности государств и регионов по данным Сети этнологического мониторинга за 2009 год // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга. М.: ИЭА РАН, 2010.